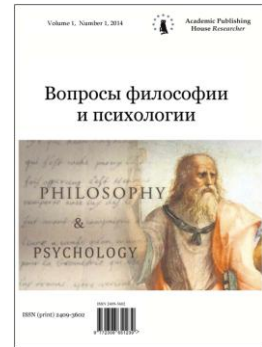

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 1889.
ISSN 2409-3602
Vol. 4, Is. 2, pp. 77-87, 2015

DOI: 10.13187/vfp.2015.4.77
www.ejournal20.com

UDC 1

Sociality and Truth: the Problem of Interpenetration. Part 1

Viktor V. Ilyin

Bauman Moscow State Technical University, Russian Federation
5, 2-nd Baumanskaya, Moscow, 105005
Doctor of Philosophy, Professor
E-mail: vvilin@yandex.ru

Abstract

In the epistemological play «social organization» is not always guaranteed befitting a worthy role. Nonclassical epistemology of antitraditionalism (pragmatism, instrumentalism, conventionalism, structural functionalism), focusing not on «universal», and on the particular subject loses its docking crinoline calling interpretation of sociality in sociological paradigm «conditions» - the pre-entrance instance, giving an external facet or another cognitive values. In anticipation of blocking the translation of epistemology in sociology (involvement of external to internal justification), the same pier, in thinking through the increasing respectability of life knowledge highlighting (on personal level) method of persistence; (group level) method of authority; autonomicity (at the level of thinking activity) the method of science - logical-empirical standardization of shape identification techniques based on volumetric deductive-inductive-traduction-abductive proof.

The stumbling block of non-traditional epistemology - the inability of reflection of «sociality» from the perspective of actual knowledge, inability to incorporate it (not as a «functionalized thinking») in the structure of mental acts.

Keywords: truth, sociality, cognition.

Подчеркивание активной роли субъекта в познавательной деятельности влечет гносеологически амбивалентный вывод: SR (status rerum), представленный в оболочке SF (symbolic forms), влечет прямую зависимость истины от общества. В самом деле. В устранении ракурса sub specie aeternitatis истина моделируется в кругу субъективных соотношенностей, что обязывает отдавать отчет: если SR в познавательном отношении репрезентируется SF, общество санкционирует взгляд на действительность, тем самым конституирует истину.

Проведенная последовательно и прямолинейно такая линия позволяет разворачивать довольно сбалансированную доктрину познавательного процесса, где истина – высшая ценность, цель, вожделение исследований – задается в кругу легислативности. Последняя через формы мышления, осуществляя консолидацию, контрактацию агентов мыследеятельности, погружает научные искания в горизонты ожидаемого.

Достоинства гносеологии с позиций «условий возможности»:

– истина, выводясь из-под опеки трансцендентного, выступает свойством знания;

– субъект познания оказывается носителем не трансцендентального «Я» («интеллигенцией»), а единицей человечества;

– продукты мысли – креативные итоги творческой деятельности не отрешенных – отчужденных, безличных, безразличных, – но включенных в культурный процесс познавателей, – обретают черты не трансцендентальных, но институциональных порядков: теории, концепции – интервально оправданные абстрактные сценарии действительности – получают социальную легитимацию.

Итак, достоинство линии в проведении идеи человекоразмерности знания, его свойств, его производителя, – как говорил Лейбниц: «Вся природа полна чудес, но чудес разума». Но в этом же ее недостаток: если природа полна чудес разума, разум законодательствует в деле создания чудес природы.

Сызнова: требуется отдавать отчет, – если мы отказываемся от ракурса *sub specie aeternitatis*, знание, истина утрачивают сверхсубъективную соотнесенность с SR. В терминах теории соответствия сие означает: продуктивные результаты мысли лишаются предметно–содержательной определенности. Гносеология как доктрина знания теряет приобщенность к ореолу нормативности: истина и социальная ересь становятся неразличимыми. Приходится выбирать: либо нереалистичность, но нормативность позиции внеситуационного соответствия, либо реалистичность, но ненормативность позиции ситуационного соответствия. Как свести «полюс гения» с «полюсом вкуса» (Кант)?

Решение проблемы – в сохранении полной ясности в главном. Главное же состоит в том, что научное знание в отличие от ненаучного включает объективное всеобщее–необходимое содержание. Трансцендентальная гносеология, встающая на стезю *sub quaddam specie aeternitatis*, версифицирует его под фирмой надвременного самодовлеющего. Тогда как нетрансцендентальная – темпоральная – гносеология, социальная эпистемика, отказывающаяся вставать на эту стезю, прочно держащаяся линии *sub specie humanitatis, socialis*, тематизирует его в качестве ландшафта текущего – возможно отступающего нынешнего.

Познание в «нормативной» гносеологии статуарно, не сопряжено с конкретным временем исторически мыслящих. Познание в «ненормативной» гносеологии процессуально, встроено во «время мужания» исторических агентов мысли. Регулятивный пафос трансцендентализма прозрачен, – введение упреждающего способа отделения истины от лжи, привитие строгого порядка на объективно-логическом уровне обслуживает принцип: целишься в небо, попадаешь в землю, целишься в землю, попадаешь в никуда. Однако же самоупоенная проповедь отрешенного взрывает все формы жизнеспособия. Неподвижная – навязчивая – идея лишает эпистемологическое сознание маневренности (симптом маниакальности); тенденция к окаменению таится в склонности пребывать наедине с небом. Итог: прямое воплощение гносеологического совершенства в трансценденталистском образе знания подвигает к границам неверия.

Между тем признание: не существует познания, его продуктов, его носителя как отстраненных «чистых» сущностей; наряду с признанием: существует конкретный социально выстроенный жизнеток актуального познания в множестве фигур, комплексов, компонентов, данностей, – не продвигает по пути организации «высокой» теории: теория концептуализирует не реальное познание (знание, субъекта) а его «идеально-средний» тип. Критика трансцендентализма обязывает разобраться в проблемном: способна ли социальная эпистемика – в обоснованном устремлении горделивую позу заменить живым чувством – фаталистически не разрушить своей приземленной презумпцией концептуализации духовноносную объективно-логическую среду выражения истины?

Исходя из старой мудрости: расширение смыслового горизонта есть симптом его углубления, наметим социально-эпистемический эскиз возможности реалистической (не объективно-логической) истины.

Сквозь пелену постановочных презумпций, проблемных отношений проступает картина: в каком-то смысле социальность конституирует истинность, но, во-первых, не только она; во-вторых, не в полной мере. Конструктивное участие социальности в конституировании истинности сводится к следующему.

Гносеологический аспект. Через активную роль форм мышления социальность задает интервальность (дистанционность абстракций): теория концептуализирует не объект сам по

себе, а определенную его «сторону»; онтология как естественный референт теории суть срез, ракурс, намечаемый культивируемой обществом синтетической понятийной формацией. Понятие, говорит Платон, не случайный продукт опыта, а порождение разума. Именно такое порождение, какое обладает логической способностью объединять предметное многообразие в единое под известным углом зрения.

Некий угол зрения в астрономию, скажем, вводил Галилей, использовавший в качестве синтетическо-понятийного ядра SF «кинематическую геометризацию». Иной угол зрения туда же вводил Кеплер, синтетическо-понятийное ядро SF выстраивавший вокруг «силы». (В письме Фабрициусу Кеплер пояснял: «Разница состоит... в том, что вы используете окружности, а я – присущие телам силы» [10, с.139]).

Сверхзадача SF – понятийно, категориально синтезировать, т.е. тематизировать, версифицировать, интерпретировать, – проводить мысль в разнообразных одеяниях, в итоге замыкать ее на действительность. Подчеркнем не только активный (свобода версификации в кругу социально индуцированных легислативных постулатов), но и достаточно автономный, самодействующий, самодостаточный статус SF, приверженность которым вследствие опытной критики позволяет не ускользнуть концептуальному содержанию. Хорошие примеры ремиссии фальсификации во имя защиты идеи – позиции Бора, нейтрализовавшего Комптон-эффект аргументом статистичности законов сохранения, причинности в атомной физике; Эренфеста, дезавуировавшего отрицательный результат опыта Эйнштейна («опровержение» волновой теории света) ссылкой на групповой характер волн [11, с. 103.].

Если внутринаучных соображений не хватает, в ход идет околонучная беллетристика. В случае того же Кеплера, когда физика оказывалась бессильной, на помощь приходила метафизика; когда механическая модель оказывалась неспособной служить инструментом объяснения, выручала математическая модель, а теологическая аксиома в свою очередь бралась в качестве связующего звена.

Вместе с тем социальность в лице SF репрезентирует, удостоверяет, а не подменяет SR. Аналогичное – в высоком искусстве. Сошлемся на

– Достоевского: «Я вывел неотразимое заключение, что писатель художественный, кроме поэмы (SF – авт.), должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность» [8, с. 206.];

– Дюрера: «Искусство... заключено в природе. Кто сумеет вырвать его у нее, тот владеет им» [12, с.373];

– Бальзака: «Самые сильные проявления счастья и горя в конце концов меняют облик человека – искажают черты, бороздят лицо неисчислимыми морщинами, наделяя каждую из них своим языком: и женщина становится тогда величественной в своем страдании, прекрасной в печали своей, великолепной в своей невозмутимости, и если нам позволено будет развить наше необычайное сравнение, то в высохшем озере станут тогда видны следы всех родников, питавших его» [1, с. 216–217];

– Родена: «Обыкновенно думают, что рисунок может быть прекрасен сам по себе, а прекрасны только те истины и те чувства, которые он выражает... Хорош только тот стиль и тот рисунок, которых не хвалят, потому что все внимание поглощено интересом содержания. Когда в литературное или художественное произведение вложена какая-нибудь истина, глубокая мысль или горячее чувство, наперед можно сказать, что и стиль, и рисунок, и колорит прекрасны, но только потому, что они – отражение истины» [14, с. 93–94].

Когда обнаруживаются объективные качества для «истинного эпоса» (Лесков), тогда «очерк нравов» становится историческим романом, эпопеей.

Онтологический аспект. SF создают среду (Н–существования, онтологические допущения, постулаты значения, гипонимизация, таксономизация, семантическая легализация ВК) – среду интеллектуальную. Благодаря фильтрации действительности через SF «бытие» структурируется, расцветивается палитрой образов, не вводясь «полностью».

SF имеют перед проверкой запас прочности:

– некоторые SF в отсутствии эмпирического обоснования (гипотезы Авогадро, Праута) поддерживаются как уважаемые соображения от наперед принятых идей;

– некоторые SF, не оказывая влияния на научное развитие в одних фациях, воспроизводятся, возрождаются в более восприимчивых к ним других фациях, – идеи

эволюционной космогонии Декарта, не находя поддержки у доминирующего в тезаурусе его времени закона сохранения количества движения, по этой причине пребывая рецессивом, усилиями Канта, Лапласа, Гершеля восстановлены в небулярной модели. Онтологическая сценография мира, поменяв ориентацию с сохранения на изменение, востребовала эволюционные представления.

Знание – не продукт социального декрета, не плод социальной конвенции; оно – динамическое резюме легализующихся ВК и являющихся сюжетом культурно-исторического консенсуса (ВС) предметно-содержательных установок. Комбинация ВК+ВС комплекса; архитектура ее такова.

(а) Множество фундаментальных схем, капитальных образов, Н-существования, интерпретативных предложений, онтологических предположений, вводящих в каркас действительности структурные модели реальности (атом – атомизм; эволюция – эволюционизм; эфир – эфирность; вихри – вихревость и т.п.);

(в) Множество относительно независимых от SF эмпирических законов, опытных зависимостей, фактических свидетельств, осуществляющих операциональную фиксацию определенности бытия со стороны

– качества – количества (сохранение – изменение) – параметры земного шара: качественное (пифагорейцы) – количественное (Эратосфен); преломления света: качественное (Евклид, Птолемей, Альхазен) – количественное (Снеллиус, Декарт); электростатических явлений: качественное (Гильберт) – количественное (Кулон); превращения теплоты в работу и обратно: качественное (Румфорд, Деви) – количественное (Майер, Джоуль); электромагнитного поля: качественное (Фарадей) – количественное (Максвелл); окислительных процессов: качественное (Пристли, Шееле) – количественное (Лавуазье); питания зеленых растений: качественное (Ингенгус, Сенебье) – количественное (Гельс, Соссюр, Тимирязев [4, с. 32]);

– формы – содержания (структура – состав) – строение кристаллов (Гаюи, Митчерлих, Лауэ); земной коры (Фюксель, А. Гумбольдт); солнечной системы (Коперник, Кеплер, Ньютон); галактики (Гершель, Фридман, Леметр, Гамов); электролитов (Аррениус); молекулярных органических соединений (Бутлеров, Кекуле, Вант-Гофф); биологически важных соединений (гемоглобин, хлорофилл, протеины, ферменты, витамины – М. Ненцкий, Э. и Х. Фишеры, Вильштеттер, Функ);

– дискретности – континуальности (сложное – простое): химический элемент (Бойль); биологическая клетка (Шлейден, Шванн); монохроматический свет (Ньютон); акустический обертоном (Гельмгольц); аминокислоты (Э. Фишер); (в метафизической физиологической традиции – элементаризм (Эмпедокл); гомеомерии (Анаксагор); атомизм (Левкипп, Демокрит));

– относительного – абсолютного (условное – безусловное): относительное (Кеплер) – «абсолютное» (Галлей, Делаланд) в размерах солнечной системы; относительное (Галилей) – «абсолютное» (Гюйгенс) в изменении скорости; относительное (шкалы Фаренгейта, Реомюра, Цельсия) – «абсолютное» (шкала Кельвина) в температуре тел; относительное (Хладни) – «абсолютное» (Био) в скорости звука; относительное (Лавуазье, Лаплас) – «абсолютное» (Реньо) в удельной теплоемкости; относительное (Берцелиус, Авогадро, Канниццаро) – «абсолютное» (Перрен) в атомных и молекулярных весах;

– сущности – явления (основание – следствие): мираж – атмосферная рефракция (Монги); светлые и темные кольца на линзах (Ньютон) – наложение волн (Юнг); алмаз – кристаллический углерод (Лавуазье); сокращение конечностей от прикосновения металла (Гальвани) – контактное электричество (Вольта); рисунок на цветах («травники» XVI в.) – указание насекомым пути к сохранилищу (Шпренгель);

– тождества – различия (градация) – ассоциация признаков по группам сходства, естественные обобщения – классификации: минералы (Вернер); химические элементы (Менделеев); звезды (Г. Рассел); фауна, флора (Линней); группы крови людей (Ландштейнер);

– части – целого (корреляции): химическая атомистика (Дальтон); кинетическая теория газов (Максвелл, Больцман); структурная минералогия (Гаюи); тканевая, клеточная патология (Биша, Вирхов); кристаллография (изоморфизм, полиморфизм –

Митчерлих); химическая (Вёлер, Либих), оптическая (Пастер) изомерия; синтез органических веществ из неорганических (Вёлер);

– причины – следствия (возможность – действительность): появление Луны – морские приливы – отливы (Ньютон); движение Нептуна – возмущение орбиты Урана (Леверрье); появление ультрафиолетовых лучей – свечение соли (Стокс); прохождение электрического тока в проводнике – отклонение магнитной стрелки (Эрстед); растворение в воде винно-каменной кислоты – поворот плоскости поляризации света (Био); появление бактерий в крови – заболевание (Пастер, Кох) [4, с. 32–68].

Речь – о том массиве, на базе которого кристаллизуется важное представление параметрической безусловности признаков существующего. Экспликация же их (признаков) и его (существующего) – в пределах вполне условного легислативного тезауруса (версификация, тематизация, интерпретация).

Пример В.П. Бранского:

Феномен	Тематизация
«Голубизна неба»	Лаллеман: флюоресценция воздуха под влиянием ультрафиолетовых лучей; Шашпоу: окраска из-за присутствия озона; Гагенбах: рассеяние света, вызванное флуктуациями плотности атмосферы

Диаметрально противоположные трактовки – толкования:

Феномен	Тематизация
«Кораллы»	Рей: растения; Нейсоннель: животные [4, с. 43]

Гносеологическая версия нестыковки платформ – реальная линейность мыслительных процессов, замыкающих обоснование на фундирующую его основу. Прерыв регресса в поиске последующего основания для предыдущего – апелляция к культуре, являющейся универсальным запасником идей предельной фундаментальности. Так, основанием явления «перелив красок на крыльях бабочек» выступает дифракция света (Гримальди), тогда как основанием дифракции света оказывается дифракция электромагнитных волн (Максвелл) [4, 43–44]. В свою очередь дифракционная картина (чередование световых максимумов и минимумов), объясняемая интерференцией световых волн, оправдывается учением о корпускулярно-волновом дуализме частиц, внутреннем строении рассеивающего объекта (где по необходимости велик удельный вес соображений картины мира – ВК, ВС).

Изложение навеивает заключение: постигаемый наукой объект «испаряется» до степени двух неабстрактных определений:

– «снизу» – элементы предметно-практических отображений в инвариантных эмпирических законах, количественных размерностях, пропорциях, корреляциях (период колебания маятника и его длина – Гюйгенс; температура замерзания раствора и концентрация растворенного вещества – Бледен, Рауль; возраст горных пород и количество продуктов радиоактивного распада – П. Кюри, Резерфорд; масса звезд и их температура – Паренаго; количество поглощенного кислорода и степень повышения температуры цветов – Соссюр и т.д.) [4, с. 56–57];

– «сверху» – элементы постигающего характера в «чистом пространстве прозрачной мысли» (Гегель) – явление выдает сущность (основание), т.к. светится «в самом себе чем-то другим» (Гегель) (законы Кеплера, выведенные как эмпирические показания в авторской формулировке и как концептуальные следствия закона обратных квадратов), – диспергированной по историческим фациям («всемирное тяготение» – оправдание гравитационного закона Ньютона; оправдание оправдания – толкование «тяготения» в «вихревой» (картезианцы), – «эфирной» (Эйлер) моделях).

(с) Множество склонностей, приверженностей, проявлений «фона личности», заявлений «особого характера субъекта»: пикировка Эйнштейн – Бор по вопросу природы детерминизма и принятие платформы «скрытых параметров» (Эйнштейн, Бройль)[16];

позиции Гейзенберга: «непреодолимость» границ человеческого познания [6, с. 65]; Эддингтона – «селективный субъективизм» [17]; Джинса – «ментализм» [18].

(d) Множество категорологических представительства. Законы, передавая сущностное в явленческом, необходимое в случайном, безусловное в условном, основополагающее в произвольном, причинное в следуемом, получают абстрактную эссенциализацию в категориальных присутствиях. Социально индуцируемая категорология дает предельную в своей объемности символическую структуризацию бытия, наиболее масштабный идейный способ его выражения, типологического включения в картину мира.

Категории – универсальные символические знаки, – соотносясь с лексическими понятиями, замыкаются на предметные значения – денотаты. Подобное «замыкание» открывает столбовую дорогу референциальной процедуре. Принятие в расчет сказанного позволяет уточнить: категории в плоскости «бытие» – не *ens fictum*; они работоспособные предметные, а не языковые выражения. Содержательное значение категорий в точном смысле слова не лингвистично, – оно онтологично. (Непоправимая ошибка Льюиса и его адептов – приписывание категориальным связям исключительно языковых значений. В его трактовке «значение» языковых выражений исчерпывается модусами

- денотат – объем понятий;
- охват – класс всех возможных вещей, подпадающих под термин;
- сигнификат – свойство вещи, оправдывающее применение термина;
- содержание – совокупность терминов, применимых к тому, что обозначается данным термином).

На деле категориальные символы суть символы внелингвистические, – это такие «постигательные» символы, которые справедливы не для всех возможных миров. Содержательные категорологические интерпретации несут идею порядка существования, задаваемую

- (1) относительно акта познания (релевантность предметной области теории);
- (2) относительно картины мира (корреспондируемость фации – комбинация ВК+ВС);
- (3) безотносительно акту познания (достояние совокупной общечеловеческой практики – причастность SR).

Линия «Льюис – Тарский», гиперболизирующая «лингвистическое значение» понятийных выражений, предполагает сопоставление не предложений о действительности (фактов) с фиксируемой в них действительностью (фактами), но названий предложений о действительности с самими этими предложениями. Прообраз *filum meditandi* такого рода – идеология античных скептиков (Тимон, Аркесилай, Карнеад, Энесидем, Агриппа, Секст Эмпирик, Пиррон), гипертрофировавших а) критику чувственности: сенсорика недостоверна (Демокрит); в) субъективное влияние на вещи в процессе познания (трансформация вещей до неузнаваемости в субъект–объектном взаимодействии – эффект Карнеада). На этом основании разворачивается купирующая адекватность позиция пробабиллизма – фоллибиллизма.

Платформе скептицизма противостояла развитая в античности же платформа стоицизма (Зенон Китионский, Клеанф, Хрисипп, Панетий, Посидоний, Сенека, Мусоний Руф, Эпиктет, Марк Аврелий), выступавшего с идеей «постигательного» представления. Последнее выглядит вполне основательным.

Накопление достоверности в постигательных субъективных представлениях проясняется посредством гносеологического моделирования онто- и филогенетического контекста становления символических категориальных форм.

Онтогенетика. До 3 лет у детей различение звуков речи сопровождается способностью производить тактильные действия, – манипуляция предметностью коррелирована с мышечными сигналами с артикуляционного аппарата, возникающими при произнесении слов [2, с.220]. «Мышление в действии», связанное с формированием речевых обобщений, есть физиологическая основа функции обобщения.

Ступени интеграции одного с другим:

- (1) слово в сцепке с чувственным образом – «ляля» – данная конкретная кукла в предметно–действенной (игровой) ситуации (конец 1 – начало 2 года);
- (2) слово – заместитель множества чувственных образов однородных предметов: «ляля» – заместитель «кукол вообще» (конец 2 года);

(3) слово – заместитель ряда чувственных образов разнородных предметов, генеалогически – игровым образом – связанных с «лялей» – «игрушка» (3 год);

(4) слово сводит обобщения предыдущих ступеней – интеграция неодушевленных предметов в «вещи» (5 год) [2, с. 220–221].

Источение и упразднение манипулятивно-игровой, осязательно-действенной, чувственно-предметной основы мысли влечет последовательное разворачивание и автоматизацию словесно-фразовых комплексов. Прошлый предметно-практический опыт замещается вербальным. С 6 лет поведение подчиняется не манипулятивным, но словесно-обобщенным инструкциям, что позволяет мысли не «воплощаться в слове», а «совершаться» в нем (Выготский).

С позиций «вхождения» чувственной предметности в рациональную образность дело выглядит так. Ребенок, знакомясь с объектом, получает сигнификат «елка», сцепленный с набором ощущений. По Сеченову, это – символ «первой степени», где ощущения сведены в знак комплексного раздражения. Возникает система «рефлексов между компонентами комплекса, которая есть не что иное, как полное представление о предмете» [2, с. 220]. В терминах теории значения – кристаллизуется значение «в элементарной форме» (Сеченов). В опыте с разными елками, ребенок распространяет на них усвоенное значение. Оформляется символ «второго порядка» – расширенное по объему понятие, утрачивающее конкретность чувственного образа. Далее «елка» подводится под «дерево», «растение» с еще большим предметным кругом, набором весьма абстрактных содержательных признаков.

Предметно-манипулятивный базис понятия, гносеологически замкнутый на чувственно конкретный символ «первой степени» а) осуществляет связь «порядка идей и порядка вещей»; в) фундирует внелингвистическую теорию значения.

Филогенетика. Если онтогенетика проливает свет на становление предметного значения, то филогенетика снабжает пониманием смыслообразования. Центральным здесь, как во всем и всяком человеческом деле, оказывается участие символического. Символическое, отмечалось ранее [9], есть единство образа и смысла. В контексте обсуждаемого важно иметь в виду: в познавательном отношении смысл символического заявляется как тенденция. Главное – расценивать производство понятийно-образного (посредством смежности, причастности, идентичности и т.д.) не как наличность, но динамичность.

Вектор «не данность – заданность» выводит на стезю историчности. Гносеологическая природа последней выразима Броделевским: «История – это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения, вчерашних, сегодняшних, завтрашних» [5, с. 345]. Сущность в познании как поднятие единичности в особенность и всеобщность дана исторически.

Символические конденсаты предметности – категории – формально (будучи символами) суть условности условностей; содержательно-безусловная субстанциальная перспектива. Категории – значимые символические отношения, предметно-понятийные отнесенности. В тесном смысле понятие их объектности (субстанциальности, субстантивности) проясняется в створе следующего

– генеалогически формы мышления связаны с объектными признаками, передают предметные связи;

– смысловые значения играют роль схем – формы мыследеятельности предшествуют чувственности, целенаправляют применение «терминов» к представлениям;

– значения черпаются из SR и культуры, создаются в опоре на эмпирические законы и выразительные возможности SF;

– естественная динамика знания – переход от теории к теории, фации к фации (в отсутствии дедуктивного правила «предельного перехода», примитивно истолкованного «соответствия») включает и естественную кумуляцию содержания о предметной сфере (математические формализмы, эмпирические удостоверения, символические образы мира, воспроизводимые в проекциях на реальность, интерпретациях, референциях). Последнее (аккумулируемое содержание) составляет историческое богатство категориального фонда, в предельном отношении – богатство человеческого культурного наследия. Познание исключает ситуацию смыслового вакуума; накопление предметно-истинностного

содержания – в динамических фигурах включения и воспроизведения (опосредствуемых фациальными актуализациями категорологии);

– абсолютное, говорит Франкл, постигается не с помощью символа, а в символе.

Операциональный аспект. Как отмечает Л.М. Гутнер, «любая конкретная система измерительных операций сама подчинена определенной системе законов и может осуществляться в сфере их действия» [7, с. 130]. Определение скорости света в лабораторных условиях опиралось на использование открытого Керром электрооптического эффекта (возникновение двойного лучепреломления в оптически изотропных веществах – жидкостях, газах, – помещенных в электрическое поле), равно как фотоэлектронной эмиссии.

В исследованиях, замкнутых на «выборки», «репрезентативность», экспертные оценки, поведение ансамблей (в том числе ошибки при измерениях), велика роль таких концептуальных конструкций, как центральная предельная теорема, закон больших чисел (распределение случайной величины – с соблюдением условия Линдеберга – идет по нормальному закону, изображаемому колоколообразной кривой Гаусса; нормальное распределение случайной величины статистично).

Операциональный базис оказывается одной из сторон органичного распредмечивания и опредмечивания мысли, опосредствует связь теоретического и эмпирического: «понять то, что происходит вне нас, можно с помощью построения понятий, значимость которых целиком основана на подтверждении» [15, с. 307]; проверочное знание обоснуется операционально–экспериментальными методами, достаточно надежно обеспечивающими его достоверность (своего рода «позитивный капитал знания» – Б. Марков).

Операциональность и предметность – взаимозависимые признаки символического [13], актуализирующие способность последнего нести объективную информацию, соотноситься с SR. Вслед за Тарским справедливо усматривать в символическом (языке) наличие «объект–языка», нацеленного на воспроизведение предметности [20]. Вместе с тем, фиксируя SR – независимое от сознания положение дел в действительности, – «объект–язык» зависим от SF – закрепленных социально (общественным сознанием) схем взаимосвязей предметного мира, равно как самого понятия предметности.

Утрирование комбинации SR versus SF, собственно, намечает антитрансценденталистскую перспективу социологии знания, – вывод значений объект – языка из-под юрисдикции (легислатуры) SF влечет их гипостазис (значение «в себе», истина «ни для кого»). Из SR активируется лишь релевантное SF, – таким образом оперативно решается проблема культурно значимого в существующем. Непосредственным инструментом подобного решения является фация, наделяющая фигуры объект – языка допустимыми (осмысленными) интервальными значениями. (Критерий осмысленного, социокультурно санкционированного существования в фации: существовать – значит быть значением интерпретированной переменной).

Эффективность операционализации объектного языка знания в его предметно-действенной, чувственно-наглядной генеалогии, находящей историческое закрепление в инструментальных средствах, в свою очередь содействующих переводу сигнификатов в материально-практическую форму.

Интерактивный аспект. Социальность в контексте теории познания есть генеральное многоосное отношение. Гносеологический интерес его концептуализации вызван новыми сечениями, которые вносит понимание общественного характера познавательного процесса в его профессиональную рефлексию.

(а) Е. Блейлер в свое время высказал идею энграмм: вследствие психических переживаний в душе остаются следы; в соответственных упражнениях (экфория) энграммы способны воспроизводиться [3]. По аналогии возможно выдвинуть соображение культурных энграмм; достояния культуры не исчезают бесследно, пребывают в особом духовном пространстве, оказывая влияние на всех, к нему причастных. Соображение духовно-культурных энграмм обогащает гносеологию представлением всеобщности, непрерывности, самоподдерживаемости интеллектуально-символической деятельности, к которой как целому, равно как любой ее части приобщаются носители интеллектуально-символического.

Духовная культура живет не только изменением, но и сохранением, не только свободой, но и наследованием; подвижное, вариативное, непередаваемое, незакрепленное

(утрирование чего осуществляли постмодернисты), собственно, есть художочная символика (авангардистский абсурд), не причастная к культурной формации. Возможность утилизации социальных продуктов символической культуры (в востребованности) актуализирует перекрытие персонально-личностного, снабжает мыследеятельность рефлексивными обобщениями истории практики и познания (рефлексия, в общем, и есть осознание содержимого души через его происхождение, отнесение к источникам и истокам. В рефлексии, утверждает Мид, «целостный социальный процесс привносится в опыт участвующих индивидов»).

(в) Хабермас предложил перспективную мысль: общество выполняет «условия сохранения социокультурных жизненных миров». Мысль Хабермаса под углом зрения наших разысканий допустимо выразить в редакции: общество – корпоративный носитель познавательно значимых представлений. В смысле тотальном – (а) и фациальном – гомеостатичность когитальных матриц, модулей, эталонов в хронотопах: социальное санкционирование всеобщности, необходимости неких базовых образов реальности. (Напомним: с позиций как логики, так и методологии, всеобщность, необходимость – не абсолютные, а относительные атрибуты знания, осмысленные в кругу принципиальных систем отсчета – «базисных посылок» – ВС).

(с) Льюис представил рассуждения, связывающие (а) и (в). На базе тотальных культурных смыслов мы понимаем действия людей вообще – современников и предшественников. Нашу общую мирожизненную реальность отображают наши общие категории [19, р. 114]. На базе фациальных культурных смыслов мы заявляем и проявляем себя как «фундаментально сходные существа», принимающие в границах своего мироотношения определенные предпосылки (ВК), опирающиеся «в общем на одни и те же потребности, интересы и способности различения и отношения» [19, р. 91.]

Радикальны наши «общие потребности», наша «социальная организация», предназначенная для их удовлетворения, наше «обучение социальным примером» [19, р. 115].

Определенность мирожизненного мира (наша выборка: фоновые предположения, явные и неявные допущения, интерпретативные предложения, модели реальности) – комбинация ВК + ВС – своим непосредственным и объективным фактом социокультурного влияния осуществляет когнитивное воспроизводство, проводит идейную интеграцию, создает собственных адептов. Рефлексивно-аналитическим эквивалентом сказанного выступает коммуникационный консенсус (социологическая оболочка ВС), устанавливаемый посредством соотнесения общезначимого понимания мира (ВК) с пониманием его всеми агентами мирожизненной общности (исключение – выбивание из общности – мыслительное отщепенство, диссидентство – Яноши, до $\frac{3}{4}$ XX в. рьяно защищавший «эфирную» модель мироздания).

Прекрасный пример культивации SF через социальную универсализацию взглядов – история становления алгебраических идей в Европе и Китае.

Европейская алгебра, утрирующая отношение равенства (математика, как таковая, есть дисциплина, выстраивающая тело теории вокруг операций с отношением равенства или его нарушения), развивалась как техника переноса символических записей с одной стороны равенства в другую. Китайская (сунская) алгебра выстраивалась вокруг физических операций, связанных с манипуляцией фишками на доске. Одна вариация: записи; другая – процедуры. В конкуренции вариаций (в мысли, как природе, действует правило естественного отбора) победил европейский путь, открывший магистраль абстрактного оперирования символическими системами: алгебра – обобщение арифметики, высшая алгебра – обобщение алгебры и т.д. Представление предметом функции функций влечет символическое разворачивание теорий групп, колец, полей, векторов, категорий...

д) Потенция, Ортега, Бастиан говорят о вхождении идей, мирообразов, представлений в вид низовой словесности (сказы, фольклор). Для этой цели вводятся фигуры: «народная поэзия» (Потенция); «народная культура» (Ортега); «народные мысли» (Бастиан). О чем речь? О власти интернализированных сценографий действительности, выказывающих свою жизненность архетипов, становящихся достоянием людей своего времени, но приобретающих разную степень выраженности в науке (рафинированная рациональность), искусстве (рафинированная образность); повседневности (обыденно-практическая

традиционность). Воистину, – недоумевает Ортега, – поразительно и таинственно то тесное внутреннее единство, которое каждая историческая эпоха сохраняет во всех своих проявлениях. Единое вдохновение, один и тот же жизненный стиль пульсируют в искусствах, столь несходных между собою. Не отдавая себе в том отчета... музыкант стремится воспроизводить в звуках в точности те же самые эстетические ценности, что и художник, поэт и драматург (и, добавим от себя, – иные представители духовного и практически-духовного воспроизводства – авт.) – его современники. И эта общность художественного (шире – ценностного – авт.) чувства поневоле должна привести к одинаковым социологическим последствиям. Последствиям, затрагивающим основы самостояния, являющимся способом эпистемического воспроизводства самости, ее фациальной, мыследеятельной судьбы, а потому оказывающимся всеобщее-необходимыми.

Примечания:

1. Бальзак О. Собр. соч. Т. 2. М., 1952.
2. Батуев А.С. Высшая нервная деятельность. М., 1991.
3. Блейлер Е. Руководство по психиатрии. Берлин, 1920.
4. Бранский В.П. Философское значение проблемы наглядности в современной физике. Л., 1962.
5. Бродель Ф. История и социальные науки // Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории. Ч. III. М., 1969.
6. Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. М., 1953.
7. Гутнер Л.М. Методологические принципы измерения. Л., 1972.
8. Достоевский Ф.М. Письма. Т. III. М., 1934.
9. Ильин В.В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М., 2013.
10. Кеплер И. О шестиугольных снежинках М., 1982.
11. Марков Б.В. Проблема обоснования и проверяемости теоретического знания. Л., 1984.
12. Мастера искусства об искусстве. Т. 1. М. –Л., 1937.
13. Пивоваров Д.В. О соотношении предметного и операционального компонентов научного познания // Вопросы философии. 1977. № 5.
14. Роден О. Искусство. СПб., 1914.
15. Эйнштейн А. Собр. науч. трудов. Т. IV. М., 1967.
16. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М., 1947.
17. Eddington A.S. The Philosophy of the Physical Science. Cambridge, 1939.
18. Jeans I. Physics and Philosophy. Cambridge, 1942.
19. Lewis C.J. Mind and World Order.
20. Tarski A. The Semantics conception of truth // Philosophy and phenomenological research. v. IV. N.Y., 1944.

References:

1. Bal'zak O. Sobr. soch. T. 2. M., 1952.
2. Batuev A.S. Vysshaya nervnaya deyatel'nost'. M., 1991.
3. Bleiler E. Rukovodstvo po psikhiatrii. Berlin, 1920.
4. Branskii V.P. Filosofskoe znachenie problemy naglyadnosti v sovremennoi fizike. L., 1962.
5. Brodel' F. Istoriya i sotsial'nye nauki // Sovremennye tendentsii v burzhuaznoi filosofii i metodologii istorii. Ch. III. M., 1969.
6. Geizenberg V. Filosofskie problemy atomnoi fiziki. M., 1953.
7. Gutner L.M. Metodologicheskie printsipy izmereniya. L., 1972.
8. Dostoevskii F.M. Pis'ma. T. III. M., 1934.
9. Il'in V.V. Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form. M., 2013.
10. Kepler I. O shestiugol'nykh snezhinkakh M., 1982.
11. Markov B.V. Problema obosnovaniya i proveryaemosti teoreticheskogo znaniya. L., 1984.
12. Mastera iskusstva ob iskusstve. T. 1. M. –L., 1937.

13. Pivovarov D.V. O sootnoshenii predmetnogo i operatsional'nogo komponentov nauchnogo poznaniya // Voprosy filosofii. 1977. № 5.
14. Roden O. Iskusstvo. SPb., 1914.
15. Einshtein A. Sobr. nauch. trudov. T. IV. M., 1967.
16. Einshtein A., Infel'd L. Evolyutsiya fiziki. M., 1947.
17. Eddington A.S. The Philosophy of the Physical Science. Cambridge, 1939.
18. Jeans I. Physics and Philosophy. Cambridge, 1942.
19. Lewis C.J. Mind and World Order.
20. Tarski A. The Semantics conception of truth // Philosophy and phenomenological research. v. IV. N.Y., 1944.

УДК 1

Социальность и истинность: проблема взаимодействия (часть 1).

Виктор Васильевич Ильин

Московский государственный технический университет им. Баумана, Российская Федерация
Доктор философских наук, профессор
E-mail: vvilin@yandex.ru

Аннотация. В гносеологической пьесе «социальной организации» не всегда гарантирована подобающая достойная роль. Неклассическая гносеология антитрансцендентализма (прагматизм, инструментализм, конвенционализм, структурный функционализм), фокусирующаяся не на «всеобщем», а на партикулярном субъекте, утрачивает свое доктринальное призвание трактовкой социальности в социологической парадигме «условия» – привходящей инстанции, придающей внешнюю огранку тем или иным познавательным величинам. В предвосхищении блокируя перевод гносеологии в социологию (привлечение внешнего для оправдания внутреннего), тот же Пирс, в продумывании наращивания респектабельности жизненных знаний выделяя (на персональном уровне) метод упорства; (на групповом уровне) метод авторитета; автономизирует (на уровне мыследеятельности) метод науки – логико-эмпирическую стандартизацию – фигуры удостоверительных техник на базе объемного дедуктивно-индуктивно-градуктивно-абдуктивного доказательства.

Камень преткновения нетрадиционной гносеологии – неспособность рефлексировать «социальность» под углом зрения собственно знания, неумение инкорпорировать ее (не как «функционализированное мышление») в структуру мыслительных актов.

Ключевые слова: истинность, социальность, познание.